

Макаренко Мария Юрьевна

доктор исторических наук,
доцент кафедры новейшей отечественной истории
Кубанского государственного университета

Косяк Нелли Анатольевна

аспирант факультета истории, социологии
и международных отношений
Кубанского государственного университета

**МОДЕРНИЗАЦИИ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ
НА ЮГЕ РОССИИ
В ГОДЫ НЭПА**

Аннотация:

В статье прослежена динамика социально-демографической политики в 1920-е гг., направленной на осуществление комплекса мер по оптимизации процессов естественного воспроизводства населения на региональном (южно-российском) уровне.

Ключевые слова:

социально-демографическая политика, естественное воспроизводство, естественный прирост, региональный уровень, южно-российский регион, перепись, браки, рождаемость, смертность, аборт.

Makarenko Maria Yuryevna

D.Phil. in History, Associate Professor,
Department for Contemporary History of Russia,
Kuban State University

Kosyak Nelly Anatolyevna

PhD student, History, Social Science
and International Relations Department,
Kuban State University

**MODERNIZATIONS OF DEMOGRAPHIC
SITUATION IN THE SOUTH OF RUSSIA
DURING THE PERIOD OF
NEW ECONOMIC POLICY**

Summary:

The article retraces the dynamics of the socio-demographic policy of 1920-s focused on the optimization of processes of population natural reproduction at the regional (Russian South) level.

Keywords:

socio-demographic policy, natural reproduction, natural increase, regional level, Russian South region, census, marriages, birth rate, mortality rate, abortions.

В конце XX в. правительство Российской Федерации, отказавшись от административно-командной системы управления, берет курс на становление демократического правового государства. Возникает необходимость радикального изменения принципов регулирования социально-демографической сферы в новых социально-экономических условиях. Подобный переходный период – годы нэпа, обращение к опыту которых позволяет приблизиться к созданию научно обоснованного комплекса мер оптимизации современной демографической политики.

На рубеже XX–XXI вв. в трудах В.А. Исупова, В.Б. Жиромской, Н.А. Араловец закладываются основы принципиально нового направления историко-демографических исследований – анализа государственной политики в области брачно-семейных отношений.

Цель предлагаемого исследования – проследить динамику социально-демографической политики, направленной на осуществление комплекса мер по оптимизации процессов естественного воспроизводства населения на региональном (южно-российском) уровне. Подобный анализ проведен в диссертационном исследовании Я.А. Шаповаловой, в котором рассмотрен период 1945–1991 гг. и впервые введены в оборот научных исследований материалы по Краснодарскому краю [1].

Демографический переход начинается с «переворота» в смертности – кардинального ее снижения – и в результате резкого увеличения средней продолжительности жизни. Развернувшаяся в годы нэпа борьба «за жизнь» успешно продолжила «чеховскую» линию (образное выражение А.Г. Вишневого) жизнеохранительного поведения: идеология и психология пассивного ожидания смерти уходили в прошлое.

Показатель естественного прироста на Северном Кавказе в 1924–1926 гг. высокий – в среднем более 20 % (т. е. он поднялся почти до довоенного уровня), однако принципиально изменилась его структура. Накануне Гражданской войны высокими были и рождаемость, и смертность, после – произошло их сокращение. Особенно заметно снижалась младенческая смертность. Намечился переход от расширенного к экономному типу воспроизводства. В годы нэпа наблюдается снижение показателя смертности в той или иной степени практически во всех регионах Советского Союза.

Явные успехи в области медицинского обслуживания и здравоохранения привели к резкому снижению смертности, особенно – младенческой и детской (в возрасте до 5 лет), что объяснялось

современниками причинами экономического и социального характера и медико-профилактическими мерами. Борьба только с воспалением легких увеличила число доживающих до года на 3,5 %, до 5 лет – на 7,1 %; борьба с туберкулезом – на 0,4 % и на 1,3 % соответственно [2]. В годы нэпа снижение смертности в той или иной степени происходило практически во всех регионах Советского Союза. В 1911–1913 гг. на территории образованного в 1924 г. Кубанского округа смертность составляла 2,8 %, в 1926 г. сократилась до 2,1 %. Особенно четко тенденция проявилась в Екатеринодаре-Краснодаре: показатель сократился в 2 раза (3,2 % в 1911–1913 гг. и только 1,6 % в 1926 г.) [3].

О модернизации смертности свидетельствует то, что ее сокращение шло в основном за счет экзогенной составляющей – детей в возрасте до 5 лет. Наиболее интенсивно снижение детской смертности проходило в крупных городах (Ростове, Краснодаре, Ставрополе, Таганроге), имевших поставленные и проводимые государством приоритеты в формировании сети учреждений по охране перинатальной смертности, материнства и детства. Развитие процесса запаздывало в национальных областях Юга России, но успехи санитарно-эпидемиологической модернизации постепенно достигались и там, авангардом в становлении процесса выступал Владикавказ.

На снижение младенческой смертности общество отреагировало сокращением «многорождаемости». Возникает (существующее до сих пор) противоречие между репродуктивными интересами большинства семей и государства: малодетность становится все более распространенной. В результате беременные женщины и женщины-матери начинают пользоваться особым вниманием со стороны государства: в 1922 г. основан Центральный научно-исследовательский институт по охране материнства и детства.

В 1920-е гг. гораздо быстрее, чем другие виды медицинской помощи при гинекологических заболеваниях, в сферу практической медицины переходит лечение бесплодия. Женщины охотнее обращались в медучреждения не только потому, что оказываемая там помощь была действеннее, но и в связи с тем, что наука в определенном смысле снимала с них ответственность за неспособность рожать, лишая бесплодие сакральности. Подводя итоги анализа информации, собранной в ходе полевых этнологических экспедиций, Т.Ю. Власкина отмечает: «Прямого обращения врачей или пациентов к «недобрым» силам с этой проблемой... фиксировать не приходилось» [4]. Сам факт стремления любыми способами совместить христианскую веру и приемы возвращения репродуктивной функции свидетельствует о крайней нежелательности их применения. Приверженцы же атеистической концепции мировоззрения скептически воспринимали и приемы традиционной медицины, и последствия их применения. Однако советская наука безоговорочно реабилитировала женщин, объявив и то, и другое мракобесием.

Многие социально-демографические институты отживают свой век, пропаганда новых социальных ценностей с готовностью воспринимается молодежью: проводят красные крестины, октябрины и свадьбы по новому обряду. Описание первых крестин на окраине Краснодара можно встретить в газете «Красное знамя», а спустя шесть месяцев на страницах той же газеты – описание октябрин в станице Чепигинской. К концу 1920-х гг. заметно сокращается количество церковных браков. Так, накануне Октябрьской революции, обряд венчания в российской столице сопровождал 90 % свадеб, к концу 1920-х гг. в Ленинграде – 50 %, точная статистика по Екатеринодору-Краснодору отсутствует, но подобный процесс проходил и в российской провинции. Описание одной из первых свадеб «по советскому обряду» имеется в газете «Красное знамя» от 9 февраля 1924 г.: «Вступали в брак две пары... Чтение формулы и вручение новобрачным документов сопровождалось исполнением туша и «Интернационала». Затем все присутствовавшие красноармейцы грянули дружное «ура». Новобрачным были поднесены подарки (мануфактура, ботинки, кольцо, чайник, деньги)». Несмотря на то что к новым социальным ценностям станичная повседневность относилась с недоверием, но все же «революционные» преобразования брачно-семейных отношений проникают и в станицы, где, например, наряду с венчанием в церкви все чаще проходила и гражданская регистрация брака.

Однако религия продолжала оказывать влияние на повседневную жизнь, и новая власть искала предлог для его снижения: с апреля по май 1922 г. в г. Краснодаре шла кампания, ранее показавшаяся бы невероятной, по изъятию церковных ценностей, которые мерили на фунты и пуды и отправляли в Москву. Формальная причина – борьба с голодом, достигшим апогея к весне 1922 г. Храмы лишались того, что собиралось долгими десятилетиями. «Унижая» церковь, государство умело лишало горожан привычных ориентиров повседневного поведения, о чем свидетельствуют материалы переписи 1939 г.

Меняющиеся социально-экономические условия требовали внесения изменений в брачно-семейное законодательство. 19 ноября 1926 г. Постановлением ВЦИК «в целях урегулирования правовых отношений, вытекающих из брака, семьи и опеки на основе нового революционного быта, для обеспечения интересов матери и особенно детей и уравнивания супругов в имущественном отношении

и в отношении воспитания детей» утвержден и введен в действие с 1 января 1927 г. Кодекс о браке, семье и опеке. С вносившимися в дальнейшем изменениями кодекс действовал до ноября 1969 г.

В первой половине 1920-х гг. в стране развернулись бурные дискуссии об устройстве семьи и половых отношениях. А. Коллонтай заявляла, что «для классовых задач пролетариата совершенно безразлично, принимает ли любовь формы длительного оформления союза или выражается в виде переходящей связи. Идеология рабочего класса не ставит никаких формальных границ любви». Упрощение процедуры развода согласно вышеупомянутому кодексу привело к их бурному количественному росту.

В связи с экономическим кризисом сократилось и количество браков. Причиной снижения количества зарегистрированных браков были материальные трудности – отсутствие жилья. Например, согласно материалам Всероссийской городской переписи 1923 г., Краснодар по числу жителей являлся 15-м городом в республике (144 327 человек), а по скорости роста населения почти не имел соперников, соответственно и по перенаселенности занимал одно из первых мест в стране. Многие краснодарцы являлись горожанами в первом поколении, не успев перенять в полном объеме – по линии тройки критериев («тело, мода, культура»), введенных Н.Б. Лебиной применительно ко времени оттепели, подлинно городские стереотипы поведения.

Перепись 1920 г. установила в городе 51 768 комнат, перепись 1923 г. фиксирует их сокращение до 50 330, что обусловлено невозможностью дальнейшего использования ветхого жилья. Жилая площадь в 1923–1924 гг. равнялась 322 782 кв. м, в 1926–1927 гг. – 424 024 кв. м. Таким образом, при санитарной норме жилой площади в 9,1 кв. м, по данным городской переписи 1923 г. и по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., на одного человека в Краснодаре приходилось лишь 4,9 кв. м. На 1 января 1939 г. – 4,76 кв. м. Именно материальная нужда, в первую очередь отсутствие жилплощади (см. табл. 1), по мнению многих исследователей, побуждало женщину прибегать к операции по искусственному прерыванию беременности, которая впервые в мире была легализована в Советской России, о чем свидетельствует Постановление наркоматов юстиции и здравоохранения от 18 ноября 1920 г. По утверждению А.Г. Вишневого, именно в 1920-е гг. исследователи пришли к выводу, что население СССР постепенно переходило к прямому контролю над рождаемостью; постановление, разрешающее аборт, было двусмысленным, так как «в то же время объявляло его «злом для коллектива», объясняло «моральными пережитками прошлого и тяжелыми экономическими условиями настоящего» и предсказывало его постепенное исчезновение».

Таблица 1 – Структура мотивов аборт за 1926 г., % [5]

Мотив	Москва, Ленинград	Губернские города	Прочие города	Сельская местность
Недостаток материальных средств	47,8	49,6	46	48,8
Болезненное состояние	12,3	13	21,6	18,8
Наличие грудных детей	6,8	9	5,7	5,1
Нежелание иметь детей	15,7	8,2	11,4	12,8
Мотивы неизвестны	16,7	19,1	19,6	10,4
Желание скрыть беременность	0,5	0,7	1,7	4,1

В 1920 г. легальных аборт было проведено 1 218, в 1925 г. – 2 307 (или 50 % рождений). Однако, несмотря на то что аборты и были разрешены, все же огромное их количество производилось подпольно. Причина – стремление избежать негативной реакции общественного мнения. В ноябре 1924 г. было издано постановление о создании абортных комиссий для выдачи разрешения на бесплатный аборт с установлением порядка очередности для его производства: 1 – безработные-одиночки; 2 – одиночки-работницы, имеющие одного ребенка; 3 – многодетные, занятые на производстве; 4 – все остальные категории застрахованных; 5 – все остальные гражданки. А.Б. Генс объясняет данное положение тем, что число коек в больницах было еще недостаточным, и, кроме того, в 1920–1923 гг. они еще в сильной мере были заняты инфекционными больными, и некоторые из них вообще не функционировали вследствие хозяйственной разрухи. Неудивительно, что женщины, не дождавшись своей очереди, вынуждены были прибегать к подпольному аборту или производить самоаборты, что приводило к рождению умственно неполноценных детей, ухудшению женского здоровья или к смертельному исходу. Так, например, доля подпольных аборт по губернским, уездным городам и сельской местности в 1924 г. равнялась 37,0 %, в 1925 г. – 28,8 % [6].

Сокращения количества аборт можно было добиться путем производства контрацептивов, однако они по-прежнему считались элементом буржуазного разложения общества. Поэтому в 1926 г.

были запрещены аборты впервые забеременевшим женщинам, более того, данные операции стали платными, цены на них постоянно повышались, а с 1930 г. в периодической печати началась антиабортная кампания. Подводя итоги дискуссии о мерах по повышению рождаемости Генеральный секретарь ВКП(б) И.В. Сталин, сказал: «Нам нужны люди. Аборты, которые уничтожают жизнь, неприемлемы в нашей стране. Советская женщина имеет одинаковые права с мужчиной, но это не освобождает ее от великого и почетного долга, который возложила на нее природа: она мать, она дает жизнь. И это определенно не личное дело, но дело большой социальной важности».

Для периода 1920-х гг. характерен конфликт ценностей. То, что было «нормой» не так давно, могло вскоре стать «аномалией». Формировались официальные стереотипы сексуальной и семейной жизни в советском обществе: нормой признавался только моногамный брак, добрачная половая жизнь – аморальна, долг женщин – рождение детей. С первых лет советской власти стали применяться меры для воздействия на демографические процессы. Советская социально-демографическая политика 1920-х гг. отличалась стремлением регламентировать и контролировать повседневную жизнь. Эти стремления порой приводили не к решению поставленных задач, а к усложнению ситуации, что было связано с непоследовательностью, противоречивостью проводимых мероприятий.

Ссылки:

1. Шاپовалова Я.А. Государственная политика в области семейно-брачных отношений в 1945–1991 гг. (на материалах Краснодарского края) : дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2014. 186 с.
2. Советская демография за 70 лет / отв. ред. Т.В. Рябушкин. М., 1987. С. 260.
3. Население и хозяйство Кубанского округа : статистический сборник за 1924–1926 гг. В 2 т. Краснодар, 1928. Т. 2. С. 14.
4. Власкина Т.Ю. Традиционные эмбриогенетические представления донских казаков (по этнолингвистическим материалам) // Мир славян Северного Кавказа / под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2004. Вып 1.
5. Жизнедеятельность семьи: Тенденции и проблемы / отв. ред. А.И. Антонов. М., 1990. С. 39.
6. Там же. С. 38.

References:

1. Shapovalova, JA 2014, *The state policy in the field of family relations in the years 1945-1991. (On materials of Krasnodar territory)*: PhD thesis, Krasnodar, 186 p.
2. Ryabushkin, TV (ed.) 1987, *Soviet demography 70 years*, Moscow, p. 260.
3. *Population and economy of the Kuban region: a statistical compendium for 1924-1926* 1928, in 2 books, Krasnodar, vol. 2, p. 14.
4. Vlaskina, TY 2004, 'Traditional embryogenetic presentation of the Don Cossacks (on ethno-linguistic content)', *World of the Slavs of the North Caucasus*, Krasnodar, issue 1.
5. Antonov AI (ed.) 1990, *Family life: Trends and issues*, Moscow, p. 39.
6. Antonov AI (ed.) 1990, *Family life: Trends and issues*, Moscow, p. 38.